

О национальном самосознании россиян

вать влияние многие факторы, например, развитие структуры потребительского рынка, расширение платности предоставления потребительских услуг, расширение потребительских запросов и т.д. Однако одним из важнейших факторов, формирующих субъективные представления потребителей в условиях кризисной экономики, является характер развития инфляционных процессов на потребительском рынке.

Для анализа влияния инфляционных процессов на изменение субъективных оценок материальной дифференциации использовался индекс потребительских цен (ИПЦ), рассчитываемый Госкомстатом РФ. Приведем результаты расчетов зависимости ПМ и НД от ИПЦ. Для построения уравнения мы использовали двухмесячные темпы роста НД, ПМ и двухмесячный ИПЦ.

Линейные коэффициенты по ИПЦ, показывающие насколько изменится зависимая переменная, если на определенную величину изменится ИПЦ, в уравнениях регрессии равны соответственно 0,43 и 0,38 (см. характеристики регрессионных уравнений в табл. 2, 3). Это означает, что за рассматриваемый период при прочих равных условиях, при изменении темпов инфляции на потребительском рынке на 1%, средние оценки ПМ и НД в среднем вырастут на соответственно 0,43% и 0,38%. Меньший относительный прирост средних оценок по сравнению с ростом цен связан со снижением реальных доходов, наличием неденежного потребления, формированием у потребителей стратегий замещения (пересмотром "потребительской корзины").

Как видно из статистических характеристик уравнений (значение R_{sq} в табл. 2 и табл. 3), изменение цен объясняет не более 40% вариации прироста средних оценок НД и ПМ. Следовательно, инфляционные процессы оказывают значительное влияние на формирование субъективных оценок, однако важную роль играют и другие факторы. Так, на основании представленных уравнений мы можем утверждать, что в случае стабилизации цен оценки ПМ и НД будут возрастать примерно на 2-3% за два месяца. Этот рост объясняется влиянием и других, неинфляционных факторов, упоминавшихся ранее: развитие структуры потребительского рынка, развитие потребительских запросов и т.д. И наоборот, нарастающие темпы инфляции приводят к росту номинальных значений НД и ПМ, но реальные минимальные и нормальные потребительские запросы сужаются.

В целом в 1996-2000 гг. номинальные величины прожиточного минимума и нормального дохода (т.е. значения в текущих ценах) существенно выросли, примерно в 3 раза, причем рост отмечался во всех основных социально-экономических группах. Огромное влияние на этот рост оказал и инфляционный фактор: развитие инфляционных процессов приводит к снижению реальных потребительских запросов, к сужению структуры потребления. Так, после августовского кризиса 1998 г. в течение сентября 1998 г. — марта 1999 г. нормальный доход и прожиточный минимум, измеренные в постоянных ценах, т.е. очищенные от влияния инфляции, снизились примерно на треть по сравнению с докризисным уровнем. Результатом снижения темпов инфляции и роста доходов населения (в основном в 2000 г.) стало восстановление нормального дохода и прожиточного минимума, измеренных в постоянных ценах, до уровня 1996 г.

Сами минимальные и "нормальные" потребительские запросы достаточно дифференцированы, так как на формирование потребительских запросов влияют многие внутренние факторы, т.е. те, которые отражают структуру характеристик респондента. Основными из них являются доход, тип населенного пункта, статус занятости. Прочие факторы, такие, как возраст, образование, оказывают косвенное влияние.

Интерес к национальности и национальные интересы. При изучении национального самосознания россиян отчетливо обнаруживается многоплановость и противоречивость "массового сознания". Отчасти это можно объяснить тем, что российское общество переживает трансформацию самого языка описания национальных форм существования. На психологическом уровне перерабатываются изменения идеологических конструкций, сопряженных с переходом от официального языка, ключевыми словами которого были "интернационализм" и "дружба народов", к языку "национального государства" (на основе многонациональной композиции) в контексте глобальных процессов и изменений современного мира. Глубокие изменения претерпевает само национальное мироощущение россиян — меняются способы национальной (гражданской и/или этнической) самоидентификации, восприятие настоящего и будущего России, чувство патриотизма, осмысление национальных интересов и т.д. Российские граждане долго и трудно адаптируются к новым формам государственного бытия, одновременно переосмысливая свою историю.

Так, по данным опросов, систематически проводимых РСИСИМП, в 1996 г. несколько более половины опрошенных россиян (53%) ощущали себя гражданами России, а 15% — гражданами СССР при 23% выбравших позицию "сам не знаю, кем я себя ощущаю". В начале 2000 г.* доля воспринимавших себя прежде всего как граждан России составила за две трети (67%), а доля ощущающих себя гражданами СССР осталась на уровне 11%. Тех же, кто не мог в этом смысле как-то определиться, стало 17%. Суммарно две последние группы составляют 28%, т.е. чуть больше четвертой части населения.

Эта многоплановость связана и с некоторой неопределенностью самого ощущения принадлежности к национальности в полиэтничном обществе. Даже сейчас некоторая часть украинцев, татар, белорусов и представителей иных национальных групп, находясь, например, среди американцев или немцев, не станут спорить, если их будут воспринимать как русских.

Доля тех, кто говорил о себе как о "гражданах мира", фиксировалась в предшествующих опросах на уровне 7%, в начале 2000 г. вес этих ориентации уменьшился и составил только 5%. Среди тех, кто пользуется Интернетом (а это 6% всех опрошенных), доля "граждан мира" увеличивается более, чем в три раза, и составляет 16%. Это свидетельствует о том, что Россия в целом вступила на путь глобальной преобразований, влияние которых будет несомненно возрастать в перспективе.

Среди опрошенных респондентов за рубежом практически не бывают 89%; часто бывают менее 1; довольно часто — 2; редко — 8%. Это весьма тревожный сигнал (на наш взгляд, в последующих опросах его необходимо обязательно перепроверить), свидетельствующий о сохраняющихся тенденциях к национальной самоизоляции и самодостаточности. Бесспорно, что отсутствие возможности у преобладающей части населения ознакомиться с более высокими стандартами жизни остается важным фактором, препятствующим модернизации российской экономики и политической жизни.

* Данные опроса, проведенного РИСИМП в марте 2000 г., для России репрезентативная выборка, N=1776 человек.

При ответе на вопрос о предмете гордости россиян шкала предпочтений сложилась следующим образом (*в % от числа опрошенных, март 2000 г.*):

Предмет гордости	%
Родители	86
Национальность	85
Семья	82
История России и ее традиции	80
Дети	74
Профессия	57
Свои достижения	34

Обращает на себя внимание небольшая (в сравнении с другими позициями) доля людей, заявляющих о том, что они гордятся своими достижениями. Возможно, это обстоятельство и является источником высокой оценки "своей национальности", которая оказывается в этом случае гораздо более значимой даже в сравнении с профессией. Эти данные расходятся с данными Института социологии РАН, которые (при несколько отличной методике) позволяли еще в 1999 г. констатировать более массовую идентификацию с профессией, чем с национальностью.

За последний год в массовом сознании россиян наблюдается поворот в сторону "национальной консолидации": наиболее высокий ранг в ряду оцениваемых понятий занимают понятия "родина" (97%), "Россия" (94%), "национальное чувство" (90%). (Оценки этих понятий оказываются близкими к оценкам таких категорий, как "верность", "свобода", "разум", "душа", "традиция", "солидарность", "ответственность", "прогресс", "гордость".) Скорее всего, этот процесс имеет три составляющих, не просто конкурирующих между собой, но и, если угодно, разновекторных. Во-первых, усиливается национальная консолидация на основе идентификации с национально-государственными интересами. Во-вторых, за последнее время из-за возникновения некоторых межнациональных конфликтов (например, 1992 г. — осетино-ингушский или 1999 г. — между карачаевцами и черкесами) произошло некоторое расширение поля этнического противостояния различных национальных групп внутри России, что привело к усилению артикуляции национальных интересов в традиционном этническом смысле этого понятия. В-третьих, активно артикулируется необходимость защиты интересов русского населения как в постсоветских государствах, так и в некоторых республиках РФ.

Вместе с тем само понятие "национальность" остается в массовом сознании весьма расплывчатым и неопределенным. Об этом свидетельствуют ответы на вопрос "Кого, по Вашему мнению, в первую очередь можно назвать русским человеком?" На первый план вышли эмоционально-патриотическая составляющая и самоотношение: "того, кто любит Россию" (26%) и "того, кто сам считает себя русским" (22%). На второй план вышли культурно-рациональные суждения: "того, чьи родители русские" (17%) и "того, кто воспитан на русской культуре и считает ее своей" (14%). Иными словами, культурно-эмоциональные составляющие национальной идентификации оказались, по данным нашего опроса, более значимыми, чем родственные (нация по крови) компоненты. Более одной пятой респондентов указали на значимость самоидентификации при национальном самоопределении, как бы трактуя нацию в качестве открытого сообщества. Несколько уменьшилась в сравнении с прошлыми опросами и доля тех, кто высказывался в пользу отмены графы в паспорте, фиксирующей национальную принадлежность гражданина.

При столь свободной трактовке национальной принадлежности в сознании россиян не удивительно, что подавляющее число респондентов (69%) утверждают, что их отношение к людям в процессе общения не зависит от национальности этих людей. И только 9% откровенно признаются, что их отношение "чаще зависит от национальности". Последний показатель можно воспринимать в качестве одного из важных индикаторов распространенности националистических установок в массовом сознании.

Наиболее значимыми аспектами национального дискурса выступают внешне- и внутривнутриполитическая референции. Речь идет об осознании россиянами своего места в мире и в Европе, с одной стороны, и об их восприятии всего спектра национальностей, составляющих собственно Россию, — с другой.

Россия и Европа. Одна из важных сторон национального самосознания россиян заключается в их самоопределении относительно современного мира в целом и прежде всего относительно Европы как новой наднациональной геополитической общности. По этому вопросу в общественном мнении россиян нет единства. Позиции респондентов выражены в распределении согласия со следующими тремя парами суждений.

Первая пара: "Россия — часть Европы. В XX в. она оказала огромное влияние на судьбы европейских государств и народов, и в XXI в. она будет теснее всего связана именно с этим регионом мира" (65%);

"Россия не является в полной мере европейской страной. Это особая евразийская цивилизация, и в будущем центр ее политики будет смещаться на Восток" (35%).

Вторая пара: "Развитые европейские страны заинтересованы в том, чтобы Россия преодолела кризис, так как Европа — это общий дом и для России, и для них самих" (43%);

"Усиление России представляет собой угрозу для европейских стран, поэтому эти страны не заинтересованы в действительном подъеме России" (57%).

Третья пара: "Россия должна всемерно стремиться к тому, чтобы войти в Европейское сообщество" (53%);

"России не обязательно, а может быть, и не нужно входить в объединенную Европу" (47%).

Если принять, что первое из избираемых суждений можно оценить как проевропейское, а второе — как выражающее определенную степень изоляционизма, то увидим, что в двух случаях из трех преимущества оказываются на стороне проевропейской позиции, точнее говоря, трактовки России как неотъемлемой части Европы. Это традиционная в российской культуре западническая позиция (ныне она собирает две трети голосов) против столь же традиционной трактовки России как самобытного и уникального общества. Вторая пара суждений дает возможность выбрать оценку отношения Запада к России. В этом случае восприятие Запада оказывается более умеренным. Почти 60% россиян, не говоря уже о жителях западных стран, понимают озабоченность Запада относительно возможных угроз со стороны России. И только двое из пяти респондентов поддерживают тезис о заинтересованности Запада в том, чтобы российский кризис был преодолен. Третья пара суждений как бы нацелена на выбор политического курса, который следовало бы проводить политическому руководству России. Здесь наблюдается явный поворот общественного мнения в сторону поддержки изоляционизма. И хотя более половины россиян придерживаются курса на вхождение России в Европейское сообщество, все же противоположная позиция собирает весьма значительную долю голосов.

При перекрестном анализе позиций, занятых респондентами по первым двум парам суждений, выясняется,

Восприятие национально нагруженных понятий в России и Германии

Понятие	Восприятие в Германии		Индекс	Восприятие в России		Индекс
	позитивное	негативное		позитивное	негативное	
Россия	25	60	-35	94	6	+88
Германия	85	7	+78	62	38	+24
Европа	77	14	+63	83	17	+66
Америка	68	22	+46	56	43	+13
Родина	90	5	+85	97	5	+92
Национальное чувство	61	30	+31	89	10	+79

что те, кто рассматривают "Россию как часть Европы", делятся почти поровну на оптимистов и пессимистов в отношении Запада. Среди же трактующих Россию в качестве "особой цивилизации" значительно преобладают сторонники суждения, указывающего на незаинтересованность Запада в подъеме России, так как "усиление России представляет собой угрозу для европейских стран". В целом совпадающую позицию относительно России как части Европы и Запада как общего дома высказала ровно третья часть респондентов (их можно было бы охарактеризовать как "сознательных западников"). Совпадение противоположных смыслов ("Россия — особая цивилизация" и "Запад не заинтересован в помощи России") избирают 24% респондентов. Такое распределение мнений лишь подчеркивает, что нынешнее руководство России имеет достаточную свободу при избрании политического курса относительно Запада. Скорее всего, этот курс будет определяться прагматически, в зависимости от тех конкретных акций, которые будут предприниматься Западом относительно России.

О векторах российского национального самосознания свидетельствует и распределение поддержки суждений, касающихся однополюсности и многополюсности современного мира.

Так, суждение, что "России надо отстаивать идею многополюсного мира и стремиться к тому, чтобы она сама стала одним из центров мировой политики в XXI веке", избрали 30% опрошенных; "России необходимо восстановить свой статус одной из двух сверхдержав (наряду с США)" — 28%; «России лучше сейчас "уйти в себя", поменьше заниматься мировыми делами и побольше — своими собственными» — 25%; "России следует признать ведущую роль одной сверхдержавы (сегодня — это США, завтра ею может быть другая страна)" — лишь 2%; затруднились ответить 15%.

Ясно, что россияне не склонны признать ведущую роль одной сверхдержавы, тем более, что сегодня таковой являются США. Но и Россию в качестве сверхдержавы хотят видеть немногие. Довольно велика доля сторонников двухполюсного мира, каким он был в бытность СССР, а также "самоизоляции" России.

Поворот общественного мнения россиян в сторону Германии — вопрос, заслуживающий особого внимания. Рассмотрим в связи с этим данные, характеризующие сходство и различия в восприятии тех понятий, которые являются смыслообразующими для национального самосознания (табл. 1).

Приводимые данные в табл. 1 позволяют судить о сходствах и различиях в восприятии указанных понятий. Прежде всего отметим, что национальное чувство вызывает отрицательное восприятие у 30% немцев. Это объясняется критическим отношением к периоду и опыту фашистской диктатуры. И все же 61% немцев воспринимают национальное чувство, скорее всего, не с позиций

антинацизма, а с патриотической точки зрения. У россиян нет столь болезненного отношения к национальному чувству (национальным чувствам), в силу чего их патриотическая установка выражается более определенно (только 10% оценивают это чувство негативно). Восприятие же Родины (Heimatland) почти не различается в российской и немецкой выборках.

Второе важное наблюдение состоит в том, что общая оценка собственной страны в России несколько выше, чем в Германии (почти на 10 пунктов); Европа и здесь, и там оценивается почти одинаково, с небольшим перевесом у россиян, а оценка Америки у немцев значительно выше, чем у россиян. Однако сопоставление перекрестных оценок складывается таким образом, что у немцев преобладает отрицательное отношение к России, а у русских — положительное отношение к Германии! Эта тенденция замечалась и при предыдущих опросах (при сопоставлении меры доверия русских к немцам и наоборот) и объяснялась памятью о поражении Германии во Второй мировой войне. Однако теперь это объяснение вряд ли можно признать удовлетворительным. Скорее всего, негативное восприятие России немцами — результат кризисных явлений, не преодоленных еще самой российской политикой и российским обществом, а также страха и неуверенности, связанных с коррупцией, с криминализацией общества, с политической и экономической нестабильностью.

Восприятие "других". Обратимся теперь к анализу ответов на вопрос об отношении к людям других национальностей*. Наиболее интересный и значимый результат этого анализа: получена эмпирическая картина референтной группы наций, представленных в российском самосознании в виде соотношений симпатий и антипатий. Проще говоря, в своих исследованиях мы впервые получили рейтинг национальных групп у россиян (табл. 2).

Данные табл. 2 показывают, что поле позитивных оценок в российском самосознании значительно преобладает над полем негативных оценок. Общий баланс позитивных и негативных оценок составляет 2,1.

Рассматривая данные табл. 2, обратим внимание на крайние позиции. Не удивительно, что именно к русским

* Вопрос формулировался следующим образом: "В какой мере Вы испытываете симпатию или антипатию к людям разных национальностей?" Предлагался список, состоящий из 23 национальных групп, расположенных в алфавитном порядке. Респондент имел возможность выбрать одну из трех позиций по отношению к каждой из этих групп: "испытываю симпатию", "испытываю антипатию" и "затрудняюсь ответить". Доля затруднившихся с ответом колебалась от 8% (при оценке русских) до 50% (при оценке индусов), что в какой-то степени определяется разной насыщенностью реальных контактов (исторических, культурных, хозяйственных и т.д.) между россиянами и соответствующими народами.

Таблица 2

Симпатии и антипатии россиян к людям различных национальностей
(в % от числа опрошенных; март 2000 г.)

Национальность	Симпатии	Антипатии	Затруднились ответить
Русские	91	0	8
Белорусы	76	5	19
Украинцы	67	10	23
Болгары	64	7	29
Французы	60	6	33
Финны	56	7	37
Сербы	53	9	38
Итальянцы	53	8	39
Японцы	47	12	41
Немцы	44	19	36
Поляки	44	19	37
Татары	42	20	38
Грузины	39	28	33
Казахи	39	20	42
Американцы	38	26	35
Армяне	36	29	34
Узбеки	36	22	42
Индусы	35	14	50
Китайцы	34	23	42
Евреи	33	32	35
Эстонцы	27	37	36
Азербайджанцы	25	38	37
Чеченцы	14	59	26

высказаны наибольшие симпатии. Во-первых, это объясняется тем, что русские составляют подавляющее большинство в выборочной совокупности (83%, что весьма близко к их доле в составе населения РФ). Во-вторых, ни один человек из представителей и национальных групп, фигурировавших в опросе, не выразил негативного отношения к русским (8 респондентов, выразивших негативное отношение к русским, сами оказались русскими и лишь 22 человека из 298 нерусских респондентов, попавших в выборку, затруднились сделать свой выбор).

Другая крайняя позиция — отношение к чеченцам. Она объясняется военной ситуацией в регионе чеченского кризиса. Сотни российских солдат оказались жертвами второго этапа войны, получившей официальное название антитеррористической операции. Вина за жертвы в массовом сознании — отчасти благодаря средствам массовой информации — возлагается на чеченцев как народ. Однако и в этих условиях нагнетания национальной неприязни симпатию к чеченцам выражают 14% респондентов. Стоит заметить и то, что у представителей татарской национальности в выборке (89 человек) и северо-кавказских национальностей (44 человека) симпатии к чеченцам более распространены, нежели по массиву в целом. Однако и в этом случае прочеченские установки не сопровождаются антирусскими настроениями.

Данные табл. 2 свидетельствуют, что преобладание антипатий (а это является признаком наличия этнических фобий) распространяется, помимо чеченцев, еще на две национальные группы: азербайджанцев (перевес антипатий над симпатиями на 13 пп.) и эстонцев (перевес на 10 пп.). В первом случае это объясняется значительным удельным весом азербайджанской диаспоры на рынках крупных городов (особенно велика доля негативных оце-

нок азербайджанцев в областных центрах), во втором — общей ситуацией, касающейся положения русского населения в странах Балтии.

После русских на первом месте по преобладанию симпатий стоят белорусы, украинцы и болгары. Это, скорее всего, дань советской традиции и общности исторической судьбы этих народов. Сербы, однако, отстают от других славян несколько далее, несмотря на поддержку со стороны общественного мнения россиян Югославии в ее конфликте с НАТО. Между этими группами славянских народов разместились французы и финны.

Большой интерес представляет изменение соотношения в оценках немцев и американцев в сравнении с опросами предыдущих лет. В 1996 г. симпатии к американцам были на одном из первых мест. Данные нынешнего опроса свидетельствуют о росте антиамериканских настроений и о заметном сдвиге симпатий в пользу немцев. Последние занимают теперь 10-е место (из 23 возможных), в то время как американцы отодвинулись на 15-е.

Сравнительно высокой оказалась и доля антипатий, высказанных по отношению к евреям. Вся совокупность респондентов делится по отношению к евреям на три примерно равные части: симпатизирующие (33%), испытывающие антипатию (31%) и затрудняющиеся в высказывании своего мнения (35%).

Объективные факторы. Дальнейший анализ показал, что различия по полу и уровню материального благосостояния не влияют на восприятие национальных групп. Систематическое воздействие прослеживается лишь при сопоставлении возрастных групп между собой. Причем, как это ни парадоксально, в наиболее молодой подгруппе наблюдается увеличение доли лиц, избирающих негативные оценки иных национальностей в сравнении со всем массивом (табл. 3).

Увеличение доли негативных оценок наблюдается в старших возрастных группах лишь в оценке американцев. По отношению к немцам эта зависимость менее очевидна. Во всех же иных случаях мы наблюдаем устойчивую противоположную динамику показателя: некоторое преобладание националистических установок в молодежной среде в сравнении со всей совокупностью населения. Если в среднем по массиву антипатию к сербам высказывают всего 9%, то в группе до 30 лет таких оказывается почти 16%. Доля испытывающих антипатию к чеченцам и азербайджанцам заметно выше в группе до 30 лет, а к татарам

Таблица 3

Доля высказывающих антипатию к контрольным национальным группам в зависимости от возраста
(в % от числа опрошенных в соответствующей группе)

Национальная группа	Группа по возрасту			Средний показатель по массиву
	до 30 лет (392 человека)	30-49 лет (805 человек)	50 лет и старше (579 человек)	
Американцы	24	24	31	28
Немцы	20	16	23	19
Сербы	16	7	9	9
Татары	30	20	14	20
Узбеки	31	22	16	22
Евреи	33	30	33	32
Эстонцы	38	36	37	36
Азербайджанцы	46	38	32	38
Чеченцы	67	57	58	60

Таблица 4
Перекрестные оценки русских и татар

Оценивающая группа	Оцениваемая группа			
	Русские		Татары	
	+	-	+	-
Русские (N=1478 человек)	90	0	39	22
Татары (N=89 человек)	97	0	93	2

и узбекам более чем в два раза выше, чем в среднем по массиву. В то же время возрастные различия не сказываются на распространенности антиеврейских и антиэстонских установок.

В подгруппе респондентов со средним специальным образованием наблюдается систематически более высокая доля антипатий по отношению ко всем национальным группам, кроме русских и американцев. Другие группировки в зависимости от образования не показывают существенного воздействия этого фактора на распределение национальных симпатий и антипатий.

Некоторое позитивное влияние на восприятие американцев, армян, грузин, индусов, китайцев, немцев, татар, французов оказывает опыт пребывания за границей.

Москва при сравнении со всеми регионами России и особенно с С.-Петербургом резко выделяется по распространенности антипатий к национальным группам.

Влияние национальной принадлежности, по крайней мере в тех ее характеристиках, которые зафиксированы в данном опросе, не оказывает существенного воздействия на распределение симпатий и антипатий к другим национальным группам.

С этой точки зрения интересно сравнить перекрестные оценки русских и татар, полученные в результате опроса (табл. 4)

В любых национальных группах преобладают симпатии к собственной национальности. Это значит, что этноцентризм присущ всем национальностям, в том числе и русским. Речь может идти лишь о мере этого этноцентризма и о характере его избирательной направленности. Естественно предположить, что чем меньшей в количественном отношении является национальная группа, тем сильнее в этой группе выражены этноцентрические установки. Кроме того, данные табл. 4 наглядно фиксируют феномен асимметричного восприятия национальностями друг друга, к которому мы еще вернемся: в татарской среде в пределах нашей выборки не наблюдается антирусских настроений, среди русских же к татарам антипатии высказывают более пятой части респондентов, в то же время симпатии — почти две пятых.

Этнопсихологические установки. На распределение симпатий и антипатий более сильное воздействие оказывают выявленные в ходе опроса этнопсихологические установки, нежели объективные социально-демографические характеристики. Рассмотрим в связи с этим оценки ряда национальных групп, высказанные теми респондентами, которые сами признают, что отношение к людям у них часто связано с их национальностью (табл. 5).

Сравнение полученных показателей с данными табл. 2 показывает, что националистическая ориентация действует не избирательно, а распространяется на отношение ко всем национальным группам.

Обратимся теперь к группе с противоположными установками. В качестве таковой мы избрали ту часть респондентов, которые высказали симпатии к чеченцам (табл. 6).

Таблица 5
Влияние бытового национализма на оценку контрольных национальных групп (N=157 человек)

Национальная группа	Симпатии	Антипатии	Затруднились ответить
Американцы	30	41	29
Немцы	36	34	23
Евреи	15	62	23
Эстонцы	13	66	40
Азербайджанцы	10	69	22
Чеченцы	6	88	6

Таблица 6
Симпатии и антипатии по отношению к 22 национальным группам в оценке россиян, выразивших симпатии к чеченцам (N=250 человек)

Национальность	Симпатии	Антипатии	Затруднились ответить
Русские	98	0	1
Белорусы	96	2	2
Украинцы	94	4	1
Болгары	92	3	5
Французы	92	4	4
Финны	93	3	4
Сербы	90	3	7
Итальянцы	92	4	9
Японцы	87	4	8
Немцы	86	10	5
Поляки	88	6	5
Татары	92	5	4
Грузины	90	5	4
Казахи	91	5	4
Американцы	80	14	6
Армяне	89	7	4
Узбеки	90	5	5
Индусы	87	4	9
Китайцы	86	7	7
Евреи	86	10	5
Эстонцы	85	10	6
Азербайджанцы	84	8	8

Подведем итоги

1. Полученные данные показывают, что в комплексе национальных эмоций преобладают позитивные настроения.

2. За последние годы произошел определенный поворот в сторону консолидации национального самосознания россиян, но этот поворот вряд ли может быть охарактеризован как усиление или возникновение националистических настроений, сопряженных с поисками врага.

3. Националистически настроенный массив респондентов (база партии В.Жириновского и РНЕ) составляет около 9% населения; при этом объединение античеченских и антиазербайджанских и в какой-то мере антиатарских настроений может составить весьма опасный антимусульманский комплекс.

4. Антиеврейские настроения не занимают доминирующих позиций среди различных националистических фобий. В значительной мере это объясняется уменьшением

ем численности еврейского населения в связи с эмиграцией в Израиль, США и ФРГ. Кроме того, античеченский синдром, скорее всего, поглотил отрицательную энергию, принося националистическим фобиям.

5. Национальное самосознание в целом остается важным полем политической борьбы. Спекуляции на национальных интересах могут приводить к обострению этнополитической ситуации в некоторых регионах страны, но они вряд ли могут стать средством широкой мобилизации населения в общероссийском масштабе.

*Ховард ГОЛДБЕРГ,
Валентина БОДРОВА*

Репродуктивное здоровье российских женщин в конце XX столетия

С марта по июнь 1999 г. в трех областях России проводилось исследование "Репродуктивное здоровье российских женщин-99" (РЗРЖ-99). Оно являлось частью более широкого и ранее начатого проекта "Репродуктивное здоровье российских женщин", охватывающего шесть городов Российской Федерации. Оба исследования финансировались Агентством США по международному развитию (USAID).

Исследование 1999 г. носило характер мониторинга по отношению к исследованию 1996 г. и промежуточному исследованию 1998 г. Основная цель РЗРЖ-99 — выявить эффективность мероприятий, проведенных в рамках широкомасштабного ранее начатого проекта "Репродуктивное здоровье российских женщин" (USAID). Для достижения сравнимости результатов оба исследования (1996 г. и 1999 г.) имели общий подход, методологию и объем. В данной статье речь идет о проекте "Репродуктивное здоровье женщин России-99", который проводился на средства USAID в трех городах России американскими центрами по контролю и профилактике заболеваемости (CDC, Атланта, США) и Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ, Москва).

Исследования 1996 г. и 1999 г. проводились на двух территориях (Екатеринбург и Ивановская область), участвующих в широкомасштабном медицинском проекте Агентства США по международному развитию, а также в г. Перми. Город Пермь был выбран в качестве контрольной территории по причине схожести и близости его во многих отношениях к Екатеринбургу (по численности населения, местоположению, экономическим характеристикам). С целью выявления позитивных изменений данные первичного (1996 г.) и повторного (1999 г.) исследований, полученные при опросе женщин, проживающих на включенных в проект и контрольной территориях, сравнивались между собой.

Принципиально важной целью настоящего исследования явился анализ различных аспектов репродуктивного здоровья женщин.

Однако все представленные здесь выводы имеют предварительный характер и могут быть в дальнейшем скорректированы.

Всего было получено приблизительно 2000 интервью с женщинами в возрасте от 15 до 44 лет, живущими в каждом из трех регионов. В Екатеринбурге и Перми интервью проводились только в черте города. В Иваново опрашивались женщины, проживающие на территории всей области. Для отбора респондентов как в исследовании 1996 г., так и в исследовании 1999 г. был использован метод трехступенчатой кластерной выборки.

Большинство опрошенных женщин вступили в свой первый брак в возрасте чуть старше 20 лет. В возрасте

20-24-х лет в момент опроса или до того большая часть респонденток жила в зарегистрированном или незарегистрированном браке (незарегистрированный брак встречался чаще в Перми). Среди 25-29-летних лишь 9-12% никогда не состояли в браке. В старших группах лишь незначительное число женщин никогда не были замужем, особенно в Иваново, где их доля составила менее 4%. Сравнительно большое число женщин старшего возраста проживали отдельно от супруга или были разведены. Что касается возраста первого замужества, то, хотя он и остается сравнительно молодым, в последние годы наблюдается тенденция к его "старению". Так, доля 15-19-летних женщин, состоящих в браке, значительно снизилась к 1999 г. по сравнению с 1996 г. на двух территориях, а доля 20-24-летних понизилась на всех трех территориях. Чуть менее двух третей женщин имели законченное среднее образование. В Екатеринбурге и Перми около 90% женщин считали себя этнически русскими. В Ивановской области эта цифра составила 94%. От 60 до 74% респонденток исповедовали православие. Остальные респондентки в большинстве случаев отнесли себя к неверующим. Три из каждых пяти женщин (61-63%) в период опроса работали вне дома (некоторые более чем на одной работе), еще 6-8% находились в декретном отпуске. К безработным (не имеющим работы, но желающим ее иметь) отнесли себя 15% респонденток из Иваново (эта цифра больше, чем в Перми и Екатеринбурге — 9-11%). От 83 до 94% респонденток имели дома цветной телевизор, от 44 до 61% — видеомэгафон, от 37 до 51% — телефон, от 20 до 32% — автоматическую стиральную машину. Чуть менее четверти женщин имели в семье автомобиль.

Рождаемость. Как и в большинстве стран Восточной Европы, женщины России рожают детей в сравнительно раннем возрасте. На каждую женщину в возрасте от 20 до 24 лет в среднем приходится уже около 0,5 живых рождений. На каждую женщину более старшего возраста в среднем приходится от 1,7 до 1,8 живорожденных. К 25-29 годам от 76 до 81% женщин уже имеют хотя бы одного ребенка. Бездетность в старших возрастных группах была довольно редкой — от 7 до 9% опрошенных. Суммарный коэффициент рождаемости (среднее число живых рождений, приходящееся на одну женщину, при существующем по возрасту уровне рождаемости), согласно исследованию 1999 г., колеблется от 1,2 в Екатеринбурге до 1,4 в Иваново, что практически не отличается от уровня рождаемости, выявленного в исследовании 1996 г. Этот чрезвычайно низкий показатель подтверждается официальными статистическими данными по России в целом. Таким образом, существенных изменений в уровне рождаемости в период между первым и вторым исследованиями нами не выявлено.

Аборты. В течение многих десятилетий число случаев искусственного прерывания беременности в России было самым высоким в мире. Однако в последние годы, по данным официальной статистики, этот показатель стал постепенно снижаться. Согласно опросу 1999 г., в старших возрастных группах (35-39 лет и 40-44 года) на одну женщину приходилось в среднем по два аборта в Перми и Екатеринбурге и по 1,5-1,8 в Ивановской области. Среднее число абортов у женщин, имеющих двух и более детей, соответствовало среднему числу абортов у женщин старших возрастных групп или незначительно превышало его. От 53 до 58% респонденток, проживающих в каждом из трех регионов, хотя бы один раз в жизни делали аборт. В возрастной группе от 40 до 44 лет доля женщин, делавших хотя бы один аборт, колебалась от 71% в Иваново до 78% в Екатеринбурге. Среди 20-24-летних